

Документы РГВА об акциях сопротивления «восточных рабочих» в Третьем рейхе

Владимир Коротаев

RSMA historical records about eastern workers' (ostarbeiters) acts of resistance in the Third Reich

Vladimir Korotaev
(Russian state military archive, Moscow)

DOI 10.31857/S086956870010142-7

Изучение проблемы «восточных рабочих» («остарбайтеров») в нацистской Германии остаётся актуальным и в настоящее время как в гуманитарном, так и в историческом аспектах. Есть несколько причин, позволяющих утверждать, что эта тема, несмотря на серьёзные аспекты, различные исторические изыскания и публикации, не является до конца исследованной.

Количество советских граждан, работавших в промышленности и сельском хозяйстве Третьего рейха, исчислялось миллионами¹. Установить судьбы такого огромного числа людей и жизненные коллизии, с ними происходившие, — задача чрезвычайно трудная и, как это ни печально, почти невыполнимая. Другой, тоже серьёзной причиной, препятствующей всестороннему и объективному исследованию данной проблемы, являются фрагментарность документов, их разбросанность по различным архивам и фондам. Многие материалы были уничтожены во время войны².

Документы об угнанных советских гражданах хранятся во многих отечественных и зарубежных архивах, в том числе в РГВА (речь идёт, в первую очередь, о материалах немецкого происхождения). Введение их в научный оборот стало осуществляться в начале 1990-х гг. До этого в Советском Союзе тема «восточных рабочих» в Третьем рейхе была табуированной. Сегодня процесс рассекречивания соответствующих архивных документов ещё не закончен. Во многом это обусловлено ограниченными техническими возможностями архивов, а также усложнённой процедурой рассекречивания. Например, один из интереснейших источников — имеющиеся во многих архивах (государственных, ФСБ) фильтрационно-проверочные дела — в ряде случаев находятся на закрытом хранении.

© 2020 г. В.И. Коротаев

¹ По оценке западного историка А. Даллина, летом 1944 г. в рейхе насчитывалось 2 792 699 «восточных рабочих». Всего же, по мнению российского историка П. Поляна (при учёте гражданских лиц, вывезенных Румынией и Финляндией), их было не менее 3,2 млн человек (Полян П. Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 132). В трофейных немецких фондах РГВА мной обнаружено дело, содержащее статистические данные за 1943 г., составленные статистическим центром германского трудового фронта. Сведения касаются всех категорий иностранных рабочих, занятых в промышленности нацистской Германии, в том числе и «остарбайтеров» (с разбивкой по национальностям). В октябре 1943 г. в 20 741 лагере находились 970 тыс. восточных рабочих, в том числе 4 781 896 мужчин и 480 164 женщины. (РГВА, ф. 504к, оп. 4, д. 291, л. 108).

² Согласно обнаруженному мной приказу рейхсфюрера СС от 5 февраля 1944 г., «вражескими силами в РСХА уничтожена центральная картотека по учёту иностранных (польских и восточных) рабочих (по этой причине на местах следует составлять 1 экз. карточки, не присылая 2 экз. в РСХА)» (Там же, оп. 2, д. 7, л. 39).

В РГВА в десятках фондов немецкого происхождения есть немало содержащих необходимые сведения документов. Их изучение затруднено из-за «распылённости» информации по многим фондам и тысячам различных дел. Несмотря на частичное использование этих сведений отечественными и зарубежными исследователями, многие архивные материалы ещё не введены в научный оборот. Для проведения комплексного выявления интересующих нас документов потребуется много сил и времени.

В архиве среди немецких материалов периода нацистской Германии имеются касающиеся конкретных персоналий документы (трудовые книжки, карточки иностранных рабочих, медицинские свидетельства, истории болезней и т.д.); нормативные акты (приказы, циркуляры, распоряжения, инструкции) и статистические материалы; полицейские розыскные списки; документы Главного управления имперской безопасности (РСХА). Особый интерес представляют следственные дела, связанные с побегами, фактами саботажа, антифашистской пропагандой и организованным сопротивлением «остарбайтеров».

Одной из форм их протеста, а иногда и актом отчаяния, нежеланием работать в нечеловеческих условиях, являлись побеги. Они принимали массовый характер, даже несмотря на очевидную бесперспективность попыток пробраться через вражескую территорию к «своим» или, в крайнем случае, к партизанам. Об этом свидетельствуют имеющиеся в архиве многочисленные немецкие документы: розыскные списки; циркуляры полиции безопасности (гестапо) и Службы безопасности рейхсфюрера СС (СД) на бежавших иностранных рабочих³ и лиц, подлежащих аресту⁴; донесения гестапо г. Штеттина о случаях побегов «восточных рабочих» с целью присоединения к партизанским отрядам⁵; списки бежавших из трудового лагеря фирмы «Сименс»⁶ и др. Как правило, все попытки побегов заканчивались поимкой беглецов и их последующим жестоким наказанием. В соответствии с циркуляром IV Управления РСХА от 13 июля 1943 г. под термином «побег» подразумевался любой случай невозвращения рабочего на своё место (в частности из отпуска), а также его несанкционированный уход с работы⁷.

Согласно приказу начальника полиции и СД от 17 декабря 1942 г., беглых «остарбайтеров», нанёсших ущерб рейху (и даже не сделавших этого), отправляли в концлагерь⁸. Так, Василий Тихончук, совершивший побег в августе 1942 г., был пойман и отправлен в концлагерь Заксенхаузен⁹.

Несколько либеральнее было сформулировано отношение к бежавшим рабочим в циркуляре от 24 апреля 1944 г. (видимо, из-за возраставшего тогда в рейхе дефицита рабочей силы). В документе указывалось, что пойманных беглых «восточных рабочих», чьи имена и места работы не удалось сразу установить, надлежало помещать в трудовые лагеря (до выяснения необходимых сведений). Если расследования не давали положительных результатов, беглецов отправляли в концлагерь¹⁰. Например, Владимир Дмитриев и Владимир

³ Там же, ф. 1323к, оп. 1, д. 62, 63; и др.

⁴ Там же, оп. 2, д. 86; и др.

⁵ Там же, ф. 503к, оп. 1, д. 20, 29, 30, 33.

⁶ Там же, ф. 1367к, оп. 1, д. 26.

⁷ Там же, ф. 504к, оп. 2, д. 7, л. 111—114.

⁸ Там же, ф. 1164к, оп. 1, д. 1, л. 2.

⁹ Там же, д. 81.

¹⁰ Там же, ф. 504к, оп. 2, д. 7, л. 77—79.

Слесарев стали заключёнными Бухенвальда за побег и отказ сообщить о своих местах работы¹¹.

В то же время, судя по имеющимся следственным делам, в концлагерь могли отправить беглеца сразу же после его поимки (без содержания в трудовом лагере). Так, в деле № 24 фигурирует Анатолий Заболоцкий, покинувший своё рабочее место в сентябре 1944 г. За уход с работы и снятие нашивки «восточный рабочий» его сразу же направили в концлагерь Заксенхаузен¹².

Уже в первой половине 1942 г. в Берлин начали поступать донесения о распространении на территории Германии и оккупированных ею стран антифашистских листовок и воззваний. Содержание многих листовок было заимствовано в основном из передававшихся по лондонскому и московскому радио новостей, в первую очередь с фронтов. Так, сообщалось о распространении среди угнанных советских граждан лагеря Форбрух издававшегося в Стокгольме и содержавшего сведения о положении на Восточном фронте «Бюллетеня советской прессы» (донесение гестапо г. Штеттина)¹³; в лагерях для «остарбайтеров» в Вюртемберге — советских антифашистских листовок восточным рабочим Михаилом Орловым (справка РСХА от 23 июня 1943 г.)¹⁴.

Иногда среди документов встречаются самодельные рукописные листовки, содержащие эмоциональные призывы к борьбе против фашизма. В качестве примера — написанное в стихотворной форме письмо-воззвание из г. Меггена, адресованное Марии Маловой в г. Штаргарде и ставшее известным в одном из трудовых лагерей¹⁵. Естественно, подобные акции оказывались в центре внимания гестапо.

Впрочем, преступлением нацисты считали не только распространение листовок и новостей вражеского радио, но и передачу нежелательных сведений через обычную переписку. Последняя тщательно проверялась цензурой. Например, в письме Анны Устименко родителям (часть послания была написана молоком) сообщалось о вызванных налётами английской авиации разрушениях в Эссене, Кёльне, Дортмунде, Дуйсбурге. «Я рада, — написала Анна, — что наш город (Эссен) уже разрушен». За эту фразу её арестовали, сначала содержали в тюрьме Эссена, а затем направили в концлагерь Равенсбрюк¹⁶.

Среди материалов фонда «Документальные материалы полицейских органов Германии на советских и польских гражданах, находившихся в Германии до конца Второй мировой войны в немецко-фашистском плену» имеются архивно-следственные дела на «восточных рабочих», обвинявшихся в различных преступлениях, в том числе саботаже, вредительстве, уклонении от принудительных работ. В частности есть следственные дела на рабочих: Павел Лазоренко — отказался от работы и нанёс травмы немцу-мастеру¹⁷; Михаил Ярёмченко — не стал работать сам и призвал других «остарбайтеров» последовать его примеру¹⁸; Андрей Грецак (арестован в феврале 1941 г.) — за отказ выполнять работу был отправлен в лагерь строгого режима¹⁹.

¹¹ Там же, ф. 1164к, оп. 1, д. 20.

¹² Там же, д. 24.

¹³ Там же, ф. 503к, оп. 1, д. 446, л. 2; д. 467, л. 46.

¹⁴ Там же, оп. 4, д. 139, л. 55.

¹⁵ Там же, оп. 1, д. 645, л. 1—2.

¹⁶ Там же, ф. 1164к, оп. 1, д. 85.

¹⁷ Там же, д. 49.

¹⁸ Там же, д. 101.

¹⁹ Там же, д. 19.

Наряду с индивидуальными и стихийными акциями протеста предпринимались и попытки организованного сопротивления «восточных рабочих». Представление о характере и размерах наиболее значительных подпольных организаций советских людей, действовавших на территории Германии в конце 1943 г. — первой половине 1944 г., даёт составленная РСХА секретная «Сводка ликвидированных и обнаруженных в 1944 г. групп нелегальных коммунистических организаций среди восточных рабочих и советских военнопленных в империи». В этом документе речь идёт, естественно, лишь о тех организациях, которые нацистам удалось выследить.

В ежедневных донесениях гестапо г. Штеттина, направленных в IV управление РСХА в Берлин, сообщалось, что в течение апреля—июня 1944 г. были арестованы 64 члена антифашистской организации «восточных рабочих» «Искра». Подпольная организация, состоявшая из небольших групп, действовала в округах Штольп, Кёльн, Лауденбург, в г. Штеттине и ставила своей задачей «пробыться с боями на соединение с партизанами в районе Белостока». Также указывалось, что члены всех групп принимали присягу, заполняли анкеты, где сообщали собственные биографические данные, адреса родственников и прилагали свои фотографии. Согласно донесениям, помощь организации оказывала гражданка Германии (русская по национальности), которая поддерживала рабочих продуктами и организовывала прослушивание радиопередач московского радио²⁰.

В октябре 1944 г. главный прокурор судебной палаты в Берлине начал следствие по делу членов «Национального комитета свободной Германии Вилли Хильшера и Артура Матнора, обвинявшихся в государственной измене и приговорённых к смертной казни за создание антифашистских групп среди восточных рабочих, находившихся в лагерях под Берлином»²¹.

Ещё одно следственное дело касалось «остарбайтеров» Александра Колбасана и Ирины Орловой, работавших на военном заводе «Райнметалл Борзиг АГ» в Берлине в 1942—1943 гг. и участвовавших в деятельности нелегальной группы, организованной немецкими коммунистами Фрицем Любеном и Отто Хазе. Члены этой группы распространяли листовки, прослушивали передачи лондонского радио и занимались организацией саботажа на производстве. Любена и Хазе приговорили к смертной казни, Колбасана — к семи, Орлову — к двум годам тюремного заключения²².

В целом обнаруженные в различных немецких фондах РГВА документы — это небольшое, но ценное дополнение к известному комплексу архивных материалов по проблеме, детальное исследование которой, безусловно, будет продолжено.

²⁰ Там же, ф. 503к, оп. 1, д. 29, л. 18, 19, 21, 24—26, 28, 29.

²¹ Там же, ф. 1361к, оп. 1, д. 3505.

²² Там же, оп. 2, д. 21.